

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ОБРАЗОВАНИЯ

УДК 167:378 (437.6)

DOI: 10.17853/1994-5639-2019-8-9-28

О ГЕНЕЗИСЕ ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИИ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

Д. А. Смоляков

*Белорусско-китайский исследовательский центр философии и культуры
Линнаньского педагогического университета, Чжаньцзян,
Китайская Народная Республика;*

*Институт философии Национальной академии наук Беларуси,
Минск, Беларусь.*

E-mail: d.smaliahou@live.com

Аннотация. Введение. Научно-образовательное сообщество часто недооценивает значение фундаментальных исследований в сфере интернационализации высшего образования. Между тем философское обоснование данного феномена может пролить свет на природу и законы его развития. Изучение такой проблемы, как генезис интернационализации высшей школы, в свою очередь, может существенно повлиять на дальнейшие разработки по организации и развитию данной деятельности, определению конечных целей и возможностей их достижения, интерпретации концептуальных этических, политических и духовных составляющих международной академической мобильности.

Цель представленного в статье исследования – вскрыть истинные причины и условия возникновения интернационализации как нового уровня высшего образования, государственной и наднациональной политики.

Методология и методы. Работа выполнена с опорой на методологическую концепцию критического анализа с использованием ретроспективного, рефлексивного, сравнительного видов анализа, методов синтеза, обобщения и систематизации различных научных точек зрения.

Результаты исследования и научная новизна. В настоящее время философские аспекты интернационализации высшего образования разрабатываются узким кругом ученых, рассматривающих ее генезис сквозь призму глобализации. Выделены три варианта имеющихся позиций: интернационализация как часть глобализации; как ответ на ее вызовы; как явление, предваряющее глобализационные трансформации. В каждом из этих подходов интернационализация выглядит как взаимодействие национальных субъектов, про-

тивостоящих унификации. Между тем страны – лидеры интернационализации, скорее, сами выступают унификаторами, что ставит под сомнение все версии происхождения обсуждаемого феномена. Автор данного исследования исходит из других предпосылок – разрушения мировой колониальной системы и завершения холодной войны, актуализировавших интеграционную повестку в Европе XX века. Новая международная стратегия добрососедства и интеграции потребовала укрепления не привычных вертикальных, а горизонтальных связей. Запрос времени обусловил расцвет интернационализации высшего образования, пришедшей на смену идее «мягкой силы», которая обеспечивала национальные интересы, в частности, через направление избыточных ресурсов образования за границу. Когда государственная субъектность приобрела значение базовой ценности в Европе и вообще в международном общении, понадобилась интернационализация, повышающая общеевропейскую конкурентоспособность за счет объединения усилий разных стран.

Практическая значимость. Четкое понимание генезиса и сути процесса интернационализации высшей школы позволит избежать нерационального расходования ресурсов на уровне как конкретных учреждений, так и национальных институтов и, что более важно, поможет преодолеть препятствия, сдерживающие развитие образовательных систем.

Ключевые слова: интернационализация высшего образования, философия образования, глобализация, империализм, колониализм, интеграция высшей школы.

Благодарности. Статья выполнена в рамках гранта Линнаньского педагогического университета № ZB1805.

Для цитирования: Смоляков Д. А. О генезисе интернационализации высшего образования // Образование и наука. 2019. Т. 21, № 8. С. 9–28. DOI: 10.17853/1994-5639-2019-8-9-28

THE GENESIS OF HIGHER EDUCATION INTERNATIONALISATION

D. A. Smaliakou

Lingnan Normal University, Zhangjiang, China;
Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus,
Minsk, Belarus.

E-mail: d.smaliakou@live.com

Abstract. *Introduction.* Nowadays, scientific and educational community underestimates the importance of fundamental research in the field of internationalisation of higher education. Meanwhile, the definition of the philosophical fo-

Образование и наука. Том 21, № 8. 2019 / The Education and Science Journal. Vol. 21, № 8. 2019

undations of this phenomenon can shed light on the nature and rules of its development. In this regard, the research of such a fundamental problem as its genesis may affect further affords in the field of its justification, determination of ultimate goals and mechanisms of implementation, as well as interpretation of its ethical, political and spiritual aspects of international academic mobility.

The *aim* of the research was to reveal the real reasons and conditions of internationalisation as a new level of higher education, public and supranational policy.

Methodology and research methods. The present research is based on the methodological framework of critical analysis through the retrospective, reflexive, comparative types of analysis, the methods of synthesis, generalisation and systematisation of various scientific points of view.

Results and scientific novelty. At present, the philosophical aspects of higher education internationalisation are developed by a small number of scientists, who view its genesis from the perspective of globalisation. Three options are identified: internationalisation as a part of globalisation; internationalisation as a response to the challenges of its development; internationalisation as a phenomenon, which precedes global transformations. In each of these approaches, internationalisation acts as a space of interaction of national actors opposing the unification processes. Meanwhile, the countries-leaders of internationalisation rather act themselves as unifiers, calling into question all theories of the background of the under-discussed phenomenon. The author takes into account the following premises: the destruction of world colonial system and the end of the Cold war, which have actualised the integration agenda in Europe at the end of the 20th century. New international agenda, based on neighborhood strategy and integration, has required not only the development of accustomed horizontal communication, but also the development of vertical communication. The request for time has led to the rise of higher education internationalisation, which replaced the idea of “soft power” and generated national interests, in particular, through channelling of excessive educational resources abroad. When state subjectivity gained the importance of basic value in Europe and in international communication in general, the process of internationalisation was required. Such process increased pan-European competitiveness by combining the efforts of different countries.

Practical significance. A clearer understanding of the genesis and the nature of the internationalisation process of higher education will avoid the use of resources at the level of both specific institutions and national institutions and, more importantly, will help to overcome the obstacles to the development of educational systems.

Keywords: internationalisation of higher education, philosophy of education, globalisation, imperialism, colonialism, integration of higher school.

Acknowledgements. The research was performed under the grant of Lingnan Normal University № ZB1805.

For citation: Smaliakou D. A. The genesis of higher education internationalisation. *The Education and Science Journal*. 2019; 8 (20): 9–28. DOI: 10.17853/1994-5639-2019-8-9-28

Введение

В последнее время интернационализация высшего образования из необязательной, но приятной составляющей академической жизни превратилась в одно из приоритетных направлений развития как отдельных университетов, так и национальных систем высшего образования. Не редкостью стали форумы министров образования и вузовских администраций, собирающиеся в целях продвижения интернациональных контактов в высшей школе и стимулирования академической мобильности. С каждым годом растет количество рядовых преподавателей и студентов, участвующих в международных проектах и программах, которые активно поддерживаются и правительствами государств, и наднациональными органами управления, призванными обеспечивать всестороннее взаимодействие независимых стран. Эти факты позволяют утверждать, что международное сотрудничество стало неотъемлемой частью деятельности мирового высшего профессионального образования и во многом определило его современное устройство.

Закономерно, что с каждым годом приумножаются исследования в этой области. Преимущественно они посвящены прикладным аспектам интернационализации, таким как адаптация иностранных студентов в принимающем вузе, развитие экспорта образовательных услуг или улучшение репутации университетов, отражающейся в международных рейтингах. Безусловно, данные вопросы должны анализироваться учеными, поскольку они имеют большое значение для профильных министерств, вузовских администраций и студентов как непосредственных потребителей образовательных услуг. Однако научным сообществом, судя по содержанию публикаций, недооцениваются ключевые философские основания интернационализации, которые либо упоминаются вскользь, либо упускаются из виду вовсе.

Вместе с тем очевидно, что фундаментальные изыскания и глубокая объективная рефлексия необходимы для построения эффективных моделей интернационализации. Сегодня многие ее участники и координаторы, обладающие разными статусами, зачастую движутся «на ощупь», становясь заложниками субъективных представлений. Многослойный феномен в глазах функционеров сводится к экспорту образовательных услуг или увеличению количества договоров о совместной деятельности с иностран-

ными партнерами. Недопонимание сути процесса, особенно теми, кто руководит им, может привести не только к нерациональному расходованию ресурсов, но и, что более досадно и чревато негативными последствиями, к сдерживанию развития образовательных систем. Нехватка теоретических исследований может отрицательно сказаться на реализации и результативности интернационализации на уровне как конкретных учреждений, так и национальных институтов высшего образования в целом.

Обзор литературы

В научных работах можно обнаружить разные, иногда взаимоисключающие интерпретации интернационализации вузов, которая рассматривается как инструмент продвижения национальных интересов конкретной страны [1, с. 203]; механизм улучшения академической репутации конкретного университета [2]; «люксовый элемент» национальной системы образования [3, с. 35], демонстрирующий успешность и богатство государства. Для некоторых исследователей обсуждаемый феномен представляется состоянием, другие понимают его как процесс, третьи – как доктрину [4, с. 84].

Помимо приведенных несоответствий есть и другие теоретические проблемы, касающиеся теории феномена интернационализации: выявление ее природы и сущности, определение конечных целей, поиск механизмов реализации, осмысление ее этических, политических и даже духовных аспектов. Все перечисленное является основополагающими вопросами и для выполнения отдельных фундаментальных исследований, и для построения научной картины в целом.

К сожалению, приходится констатировать, что фундаментальная проблематика интернационализации высшей школы разрабатывается довольно узким кругом специалистов. Наиболее авторитетные из них – Дж. Найт и Х. де Вит. За последние 30 лет в соавторстве с коллегами ими был подготовлен относительно небольшой корпус научных работ, посвященных теоретическим аспектам соответствующей тематики. Среди самых значимых следует назвать коллективные монографии «Стратегии интернационализации высшего образования: сравнительное исследование Австралии, Канады, Европы и США» (1994 г.) [5], «Качество и интернационализация в высшем образовании» (1999 г.) [6], «В направлении к глобальному: определяя тренды и драйверы международного образования» (2013 г.) [7], «Настольная книга международного высшего образования» (2012 г.) [8].

Постепенно теоретические наработки зарубежных авторов проникают и в русскоязычную научную среду. В частности, на них базируются

такие статьи, как «Интернационализация высшего образования. Российские подходы» (2013 г.) [9], «Интернационализация высшего образования как часть Болонского процесса. Научный диалог» (2013 г.) [10], «Философские основания интернационализации высшего образования (2019 г.) [11], которые бегло вводят в курс теории рассматриваемого направления деятельности вузов.

Уместно отметить, что теоретические рассуждения об интернационализации высшей школы часто фокусируются на проблемах взаимодействия национальных традиций – культурных, образовательных, языковых: не удивительно, что здесь переплетаются многогранные процессы международного и межкультурного заимствования, отторжения, адаптации.

Одним из наиболее актуальных вопросов в теории интернационализации высшего образования является ее генезис, т. е. причины и условия возникновения феномена. Разработка этой проблемы представляется той исходной точкой, которая придаст импульс дальнейшему теоретическому и прикладному изучению развития данного направления, поскольку прольет свет на естественную среду его происхождения, а значит, приблизит к пониманию сути феномена.

Методологическое обоснование исследования

Анализ имеющейся литературы показывает, что в науке сложилась устойчивая тенденция – рассматривать в качестве главного источника интернационализации глобализацию. Однако каждый исследователь в соответствии со своими индивидуальными представлениями о глобализации излагает собственный взгляд на ее роль в этом процессе. Разрозненные мнения тем не менее можно упорядочить, разделив научное сообщество на практиков и теоретиков: первые, как правило, отождествляют интернационализацию с глобализацией, вторые, наоборот, склонны разделять данные явления. К практикам относятся руководители университетов, а также представители академической среды, занимающиеся прикладными исследованиями (для них любые международные процессы в сфере высшего образования воспринимаются исключительно в контексте глобализации); к теоретикам принадлежат философы образования, для которых глобализация и интернационализация – совершенно разные феномены, имеющие различную природу и разные корни [12, с. 108].

С 1990-х гг., с тех пор как интернационализация высшей школы попала в поле зрения научного поиска, она традиционно интерпретируется теоретиками в качестве антитезиса глобализации. В своей программной статье «Конец интернационализации» У. Бранденбург и Х. де Вит от-

мечают, что глобализация обладает негативными коннотациями, поскольку ассоциируется с унификацией и обезличиванием, в то время как интернационализация выступает, скорее, явлением мультикультурного порядка, обращенным к миру и взаимопониманию [13, с. 16]. В этой связи Х. де Вит подчеркивает, что начиная с эпохи Просвещения и до сих пор институт высшего образования принадлежит к национальным феноменам, а значит, в условиях международного сотрудничества действует в соответствии с национальными интересами и форматами, тогда как глобализация, наоборот, пренебрегает ими [14, с. 13]. Иначе говоря, интернационализация высшей школы исходит из инвариантности языковых и культурных контекстов, а глобализация нацелена на унификацию таковых.

Представления об отрицательной роли глобализации в появлении и развитии феномена интернационализации имеют «левое» происхождение, черпающее вдохновение из диалектики. Согласно идее господства экономической выгоды большинство теоретиков интернационализации рассуждают о процессах глобализации исключительно в негативном ключе. А «бескорыстная», если можно так выразиться, интернационализация рождается, на их взгляд, из противления глобализации – как гуманистический пример существования иных, нематериальных выгод, т. е. понимается как идеалистический антитезис глобализации, формирующийся в условиях прямого взаимодействия национальных субъектов.

Дж. Найт, например, связывает глобализацию с денационализацией и вестернизацией, а интернационализацию считает ответом на эти процессы с целью сохранения локальной идентичности [15, с. 18]. Глобализация, по мнению ученого, подразумевает трансграничный обмен знаниями, технологиями, людскими ресурсами и идеями, в то время как интернационализация в условиях такого обмена призвана сохранить пассионарную индивидуальность его стран-участников [15, с. 14]. Другими словами, интернационализация создает альянс национальных игроков, пытающихся за счет международного сотрудничества не столько противостоять глобализации, сколько воспользоваться ею [16].

Важно отметить существенное отличие американских и европейских взглядов, проливающее свет на особенности национального сопротивления глобализации. Если для заокеанских коллег интернационализация локализуется во взаимодействии «просвещенного запада» и «догоняющего востока», то для Европы столь определенных рамок не существует, так как каждая европейская страна воспринимается как особый, самодостаточный мир. Когда Дж. Найт сравнивает глобализацию и интер-

национализацию, то делает это в контексте взаимодействия запада и востока, где, собственно, и возможно противостояние, обусловленное религиозными, идеологическими и культурными мотивами. Здесь интернационализация фокусируется на локальных особенностях, распознаваемых исключительно в обличье ориентализма.

Эта важная «западная» позиция разделяется и другими заокеанскими учеными, которые, однако, воспринимают универсальную глобальность как неотъемлемую часть университетской культуры, намного более древнюю, чем глобализация в современном ее понимании. Так, Ф. Альтбах подчеркивает, что университеты изначально были глобальной средой [16]. Возникшие в Средневековье, они повсеместно использовали латынь в качестве языка академического общения, имели международный состав преподавателей и студентов. Впоследствии эта традиция эволюционировала в просвещенную науку Германии. Когда лидерское место заняла англосаксонская модель образования, английский язык, как некогда латынь, стал базовым инструментом международного взаимодействия.

Существуют и другие стадийные версии природы интернационализации. Есть мнение, что она служит подготовительным этапом, предшествующим глобализации как закономерности развития национальной идентичности, стремящейся выйти за пределы хаоса уникальностей в структурированную универсальность. Постепенно глобализация оказывает все большее влияние на индивидуальную социализацию, неотвратимо изменяя природу человеческого общения. Поскольку в условиях энергичного трансграничного передвижения в поисках образования, работы или лучшего места жительства люди выпадают из традиционной локальности национальных границ, они превращаются в «граждан мира» [17, с. 10], свободных от социокультурных несовместимостей. В этих условиях оградительный уют национальных рамок скорее мешает, нежели обеспечивает заработок и перспективы личного развития. С этой точки зрения глобализация интерпретируется как расширенная интернационализация и международные академические процессы представляются ее предтечей, а не следствием [18].

Таким образом, вопрос генезиса интернационализации высшего образования так или иначе упирается в процессы глобализации, фокусируясь на дихотомии вызова и ответа. При этом очевидно, что опора большинства исследователей на диалектику при попытках нащупать в семантических рядах единство противоречий носит ассоциативный характер. Глобализация может представляться результатом технологического прорыва в сферах транспорта и коммуникаций [17, с. 2] или тотальной ком-

мерциализации, когда весь мир становится рынком, на котором страны конкурируют между собой, в том числе и в области образовательных услуг [19, с. 320]. Культурная глобализация также интерпретируется в контексте развития мобильности, уже не только людей и технологий, но и политических взглядов [20, с. 296–297]. Пытаясь как-то обобщить все эти представления, выйти на уровень абстракций, теоретики интернационализации приходят в итоге к более формальной дихотомии универсального и частного (унификации и индивидуализации), где глобализация неминуемо ассоциируется с универсальным, в то время как интернационализация апеллирует к индивидуальному.

Подобное состояние дел дает основания полагать, что акцентирующаяся в научной традиции взаимозависимость интернационализации и глобализации является спекулятивной: эта взаимосвязь выводится из временной симметричности или даже умозрительно, сквозь призму отмеченных диалектических дихотомий. Два феномена срачиваются друг с другом лишь в силу актуальности, но не в силу ясных и отрефлексируемых механизмов, подтверждающих их каузальность.

Хронологическая соразмерность сосуществования феноменов и их диалектика могут быть оспорены в рамках той или иной научной парадигмы либо концепции. В частности, исследователи практически не уделяют внимания таким важным факторам зарождения интернационализации высшего образования, как разрушение колониальной системы и окончание холодной войны. Однако в истории XIX – XX вв. именно холодная война и мировой колониализм были глобальными аренами мирового взаимодействия, сосредоточением борьбы индивидуального и универсального, локального и глобального.

Временем зарождения интернационализации высшего образования в подавляющем большинстве научных источников называется последнее десятилетие XX века. Но тогда вне рассмотрения обсуждаемого явления остаются и интернационализм СССР, и программа Фулбрайта в США, как, впрочем, многие другие более ранние инструменты международного академического сотрудничества, которые в лучшем случае воспринимаются в качестве предтечи интернационализации в ее современном понимании как нового качества взаимодействия национальных субъектов, стремящихся за счет объединения усилий повысить качество и конкурентоспособность образовательных услуг [11].

Между тем такое объединение усилий может быть интерпретировано как мотивация для реализации интеграционной повестки, которая подразумевает сближение качества не только высшего образования, но

и государственного управления и / или функционирования экономик. В свою очередь, данная мотивация должна быть идентифицирована национальными субъектами в качестве таковой, что требует определенных условий как внутри государств, так и в международном пространстве. В этом свете очевидно, что разрушение колониальной системы и окончание холодной войны в конце XX в. должны быть проанализированы в контексте зарождения интернационализации высшей школы, поскольку, возможно, именно этот анализ позволит выяснить более точные время и условия ее генезиса.

Результаты исследования

Итак, глобализация часто трактуется как процесс унификации, произрастающий из противостояния индивидуализации. Согласно утверждению Э. Гидденса, глобализация рождается из диалектики универсализации государственных объединений и индивидуализирующего суверенитета государств-участников [21, с. 73]. Национальные государства отдают часть своего суверенитета наднациональным органам управления взамен на увеличение своего влияния внутри собственных границ. Наднациональные органы упорядочивают локальные системы власти, а подчиняющиеся им государства используют этот порядок для устойчивого развития и нейтрализации как внешних, так и внутренних шоков.

З. Бауман еще более склонен рассматривать глобализацию в контексте ее универсализирующего воздействия. Ученый полагает, что глобализация является прямой преемницей более раннего универсализма, рожденного из тяги к совершенствованию и улучшению существующего мира. Обезличивание глобализации основывается на унификации измерительных систем, нивелирующей антропологические особенности отдельных этносов. З. Бауман приводит пример картографии, где полностью исключены особенности наблюдателя, изъятая как препятствие к предельно прозрачному пониманию расположения географических объектов [22, с. 21]. Благодаря универсализации системы измерения картография избавилась от анатомического разнообразия локальных измерительных систем, функционировавших ранее в шагах, локтях и т. д.

Воспринимающим глобализацию как улучшение жизни она часто видится очередным эволюционным этапом развития человечества. Унификация расценивается как естественная цивилизационная неизбежность, которая предстает в образе то ноосферы, то мировой революции, приближающей мир к коммунизму, – в любом случае она должна и будет с необходимостью объединять многочисленные локальности внутри своих

унифицированных рамок. В этой связи глобализация пренебрегает государственными границами и языковыми средами как архаичными препятствиями, стоящими на пути мирового развития.

Стоит напомнить, что унификация присуща не только глобализации: существуют явления более токсичные по отношению к индивидуализирующим факторам национального. Жестким унификатором коренных народов (Indigenous peoples) выступает, например, империализм, подчиняющий их локальные различия общим принципам колониальных взаимоотношений [23]. К началу XX века империалистическая доктрина обрела конечное значение в пространстве экономической выгоды, став в глазах мировой общественности воплощением прогресса и, соответственно, стадийным венцом человеческого развития.

Если империализм представлялся в определенный период в качестве прогрессивного источника унификации, то национализм, идея, рожденная в условиях окончания империалистического доминирования на Европейском континенте первой трети XX в., – как деструктивный фактор бесконечно длящейся индивидуализации. В контексте этой идеи возникла диалектика универсального и индивидуального, поскольку, как замечает Н. Бердяев, «империалистическая воля есть всегда воля к мировому существованию» [24, с. 111]. В этом свете империализм рассматривался в схожих с феноменом глобализации категориях неотвратимого эволюционного преодоления, как новый этап развития общества. По мысли Н. Бердяева, это преодоление также может реализовываться в различных формах: как немецкий «сверхнационализм», «хищнически отнимающий» английский колониализм или «щедро дарящий» русский империализм [24].

Важно отметить, что на имперской стадии именно государство, как, безусловно, универсальное явление, своей монополией на власть нивелирует этнические, социальные и классовые различия. Именно оно, государство, а не язык, система образования или культура создает рамки универсализации, выстраивая властные отношения с обществом. Один из родоначальников критики империализма Дж. Гобсон обращал внимание на то, что империалистическая унификация состоит в распространении всех прав и институтов страны-завоевателя на присоединенные территории [25], т. е. при имперской политике происходит не только поглощение чужих границ и суверенитета, но также «перенос» обычаев и языка, осуществляющийся путем завоевания, а не прогресса. Соответственно, формируется более естественная дихотомия, нежели «унификация – индивидуализация», а именно – «субъект-объектные» отношения.

В русле империалистической повестки образовательные стратегии, как правило, направлены исключительно на местные элиты, в то время как дру-

гие страты общества остаются лишенными даже базового обучения. Такое образование деформирует мироощущение локальных элит, которые дистанцирует не только от собственной культуры, но и от других представителей своего народа [26, с. 273]. В связи с этим сложно говорить о подлинной унификации, так как фокус колониального образования был сосредоточен на поддержании культурно-языкового разрыва между элитами и другими слоями общества. Империя, преподнося свой язык в качестве «драгоценного подарка» мировой культуры и науки неразвитым народам, в действительности ориентировалась на задачи государственной управляемости, но не на просветительские нужды [27, с. 132].

Современная универсальность английского языка, как и широкое распространение других языков Европы вне ее территории, представляется следствием, а не причиной империалистической политики. Доминирование английского языка как *lingua franca* науки, культуры и международных отношений обеспечивается не столько лидерством США в процессах глобализации, сколько долговременным эффектом существования Британской империи [28]. В этом контексте глобализация – наследие европейского империализма, завуалированного в новой терминологии [30].

Глобализация как видоизмененная форма империализма способна выступать инструментом активного национального взаимодействия и легитимации национальной субъектности. Возвращаясь к теме интернационализации высшего образования, отметим, что наиболее активными и успешными странами в этой области являются бывшие империи, не требующие ни исторических, ни международных легитимаций своего существования.

Большинство исследователей признает Европу географическим локусом генезиса интернационализации. Это уникальный регион мира, сосредоточие бывших империй, охваченных в послевоенные периоды недоверием и враждебностью по отношению друг к другу, пространство прямого противостояния капитализма и социализма. Но это еще и территория, где были сняты многие противоречия по окончании холодной войны. Не удивительно, что в научной литературе доминирует убеждение, что последнее десятилетие XX века является временем возникновения интернационализации высшего образования. Такое истолкование ее генезиса основано, прежде всего, на травмирующих последствиях Второй мировой войны. Развитие интернационализации объясняется терапевтической необходимостью врачевания ран европейцев, чему среди прочего активно способствовали различные программы академических обменов, в дальнейшем распространившиеся на постсоциалистические страны как панъ-

европейский механизм реинтеграции и построения общей европейской идентичности [3].

Описанная концепция часто ассоциируется с послевоенным влиянием Соединенных Штатов, обеспечивавших восстановление Европы не только финансово, но и идеологически. Европейские программы интернационализации в этом контексте выглядят как продвижение гуманистических идеалов американской программы Фулбрайта [13], которая в свое время являлась новаторским направлением работы Американского института международного образования, основанного в 1919 г.

Появление указанного учреждения стало гуманитарным ответом на ужасы Первой мировой войны, инструментом развития культурных и образовательных связей между США и Европой. Не случайно первого директора этого института Ст. Дюгана называют «апостолом интернационализации» [30]. Создание института являлось также следствием прекращения политики невмешательства США в дела Европы. Важную роль в этом сыграл и успешный американский опыт гуманитарного взаимодействия с Китаем, а именно изящное разрешение последствий Восстания боксеров (1899–1901 гг.), когда китайские репарации были использованы для финансирования обучения китайских студентов в американских университетах [31].

С момента реализации программы Фулбрайта (1946 г.) ею было охвачено более 360 000 аспирантов, молодых специалистов и художников, среди которых многие стали впоследствии влиятельными политиками, учеными и деятелями искусств различных государств¹. Данный успешный опыт американской дипломатии и широко известный факт сложно рассматривать в отрыве от внешней политики США и деятельности их Госдепартамента в условиях холодной войны.

Но у программы Фулбрайта были зарубежные «предшественники». Она была продолжением деятельности, которую в конце XIX в. начал Альянс Франсез (Alliance française), стараясь расширить французское влияние в мире за счет распространения своего национального языка и культуры. Опыт оказался столь притягательным, что в начале XXI в. многие государства, идентифицирующие себя в качестве независимых игроков на мировой арене, обзавелись собственным гуманитарным инструментом международного влияния, позиционированным в качестве интернационализации.

Может показаться странным, что в условиях военного недоверия и после Первой, и после Второй мировой войны государства в меньшей

¹ Fulbright U. S. Student. Available from: Program: <https://us.fulbrightonline.org/history>

степени были готовы идти навстречу друг другу, однако вкладывали ресурсы в гуманитарное продвижение своих интересов за рубежом. Здесь, разумеется, нужно вспомнить Д. Найя с его концептом «мягкая сила», согласно которому внешняя политика государства реализуется не только традиционными методами, но и опосредованным воздействием гуманитарных инструментов, одним из которых служит высшее образование¹. Однако европейские страны в напряженной обстановке конца XX в. отказались и от потенциала идеи «мягкой силы», обратившись к концепции интернационализации, которая предполагает большую открытость партнеров, что делает их более уязвимыми друг перед другом.

Попробуем понять разницу механизмов «мягкой силы» и интернационализации и причины европейских предпочтений в пользу последней. Вторая половина XX в. – это период кризиса империалистической идентичности Европы. Некогда великие государства самого влиятельного континента планеты, сделавшись практически сателлитами США и СССР, растеряли бывшее могущество. Раньше они обладали огромными заморскими территориями – к концу века превратились в небольшие государства. Если в предыдущую эпоху Европа активно осваивала мир, то теперь стала закрываться от него как через ужесточение миграционной политики, так и сосредоточившись на своих внутренних проблемах.

Окончательному исчезновению универсальной повестки глобального противостояния способствовал и распад СССР – исчез последний элемент противоборства. Прежние академические проводники национальных интересов вне Европы потеряли свою актуальность. Окончание холодной войны для Восточной Европы стало тем же, что и разрушение колониального мира для Западной, – появились условия для использования академического сотрудничества в качестве одного из основных способов европейской интеграции. С этого момента возобладала повестка «маленьких» государств, характеризующаяся снижением военных расходов и направлением высвободившихся ресурсов на усиление взаимодействия с ближайшими соседями.

Возобладавшая политика добрососедства требовала уже не умиротворения большого соседа, а взаимного сближения с соразмерными партнерами [32]. В итоге государственная субъектность приобрела значение базовой ценности и в Европе, и в международном общении вообще. Если

¹ CEC. European Neighbourhood Policy. Strategy paper. Brussels. 2004. 35 p. Available from: https://ec.europa.eu/neighbourhood-enlargement/sites/near/files/2004_communication_from_the_commission_-_european_neighbourhood_policy_-_strategy_paper.pdf (In English)

ранее образование в качестве инструмента «мягкой силы» направляло избыточные ресурсы за границу, обеспечивая тем самым соблюдение национальных интересов, то его интернационализация, наоборот, стала способствовать повышению общеевропейской конкурентоспособности за счет объединения усилий разных стран.

В новой ситуации обрела ясность многоуровневая и высокобюджетная политика Европейского Союза в области высшего образования: стали появляться различные программы международного сотрудничества, на основе университетских консорциумов за 30 лет были реализованы разнообразные схемы академической мобильности, содействующие модернизации как национальных систем образования, так и систем государственного управления [33]. Влияние интернационализации ощущается, в том числе, на уровне массовой культуры как «феномен Erasmus» [35], маркирующий зарождение «европейской гражданственности».

Заключение

Истоки интернационализации высшего образования нецелесообразно искать в абстрактной дихотомии универсального и индивидуального. Представляется, что ее генезис кроется в объективном характере сотрудничества «маленьких» государств, восполняющих недостаток национального ресурса за счет объединения сил с иностранными партнерами. В основу такого объединения положена субъектность национальных участников, взаимоуважение которых обеспечивается качественным построением горизонтальных связей.

В свете сделанного вывода мнение о том, что интернационализация является национальным ответом на достижения глобализации, представляется несколько тенденциозным. В условиях глобализации утрата национальной идентичности происходит, прежде всего, в культурном поле при упразднении многообразия социальных, политических и экономических ритуалов. В этом контексте символическая унификация представляется меньшим злом, нежели угроза утраты национального суверенитета, перед которой «маленькие» государства испытывают естественный страх. Интернационализация высшего образования, выступающая одним из интеграционных механизмов национальных государств, обеспечивает им большую устойчивость к внешним потрясениям за счет объединения ресурсов.

Список использованных источников

1. Филиппов В. М. Интернационализация высшего образования: основные тенденции, проблемы и перспективы // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2015. № 3. С. 203–210.

2. Блинова Е. А. Интернационализация высшего образования в условиях глобализации // Вестник ГГУ. 2014. № 13. С. 233–240.
3. De Wit H., Hunter F. (Ed.). Internationalization of higher education: A study for the European Parliament. Brussels: European Parliament Policy Department B: Structural and Cohesion Policies. 2015. 321 p. DOI: 10.2861/6854
4. Stier J. Taking a critical stance toward internationalization ideologies in higher education: idealism, instrumentalism and educationalism // Journal Globalisation, Societies and Education. 2004. Vol. 2, № 1. P. 83–96.
5. De Wit H. (Ed.). Strategies for internationalisation of higher education: a comparative study of Australia, Canada, Europe and the United States of America. Amsterdam: EAIE Secretariat, 1994. 176 p.
6. De Wit H., Knight J. (Ed.). Quality and Internationalisation in Higher Education. OECD, 1999. 272 p. DOI: 10.1787/9789264173361-en
7. Stiasny M. (Ed.). Going global: Identifying trends and drivers of international education. London: Emerald Group Publishing, 2012, 250 p.
8. Deardorff D. (Ed.). The SAGE handbook of international higher education. Thousand Oaks, CA: SAGE Publications, Inc, 2012. 552 p. DOI: 10.4135/9781452218397
9. Куприянова-Ашина В., Чанг Жу. Интернационализация высшего образования. Российские подходы // Международные процессы. 2013. Т. 11, № 2 (33). С. 85–94.
10. Дубовицка Л., Шварцзова Х., Вархолова Т. Интернационализация высшего образования как часть Болонского процесса // Научный диалог. 2013. № 2 (14). С. 8–21.
11. Смоляков Д. А. Философские основания интернационализации высшего образования // Вести Национальной академии наук Беларуси. Серия гуманитарных наук. 2019. Т. 64, № 2. С. 135–145. DOI: 10.29235/2524–2369–2019–64–2–135–144
12. Scott P. (Ed.). The Globalization of Higher Education. Buckingham: Open University Press, 1998. 134 p.
13. Brandenburg U., de Wit H. The End of Internationalization // International Higher Education. 2011. № 62, Winter. P. 15–17.
14. De Wit H. Internationalization of higher education in the United States of America and Europe: a historical, comparative, and conceptual analysis. Westport: Greenwood press, 2002. 288 p.
15. Knight J. Internationalization of Higher education in OECD / de Wit. H. (Ed.) // Quality and Internationalisation in Higher Education. Paris: OECD Publishing, 1999. P. 13–29.
16. Altbach P. Globalization and the University: Realities in an Unequal World // Tertiary Education and Management. 2004. P. 3–25. January. DOI: 10.1007/978-1-4020-4012-2_8
17. Mitchell D., Nielsen S. Internationalization and Globalization in Higher Education / Cuadra-Montiel H. (Ed.) // Globalization Education and Management Agendas. London: Intechopen, 2012. P. 3–22. DOI: 10.5772/48702
18. Vestal T. International education: Its history and promise for today. Westport: Greenwood Publishing Group, 1994. 224 p.

19. Dixon M. Globalization and international higher education: Contested positionings // *Journal of Studies in International Education*. 2006. № 10 (4). P. 319–333.
20. Appadurai A. Disjuncture and Difference in the Global Cultural Economy // *Economy Media, Culture & Communication*. 1990. Vol. 7, № 2. P. 295–310.
21. Giddens A. *The Consequences of Modernity*. Stanford: Stanford University Press, 1990. 188 p.
22. Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества / пер. с англ. Москва: Весь мир, 2004. 188 с.
23. Kolawole T. O. Imperialism and the African Indigenous Knowledge System. In: Adeniran A., Ikuteyijo L. (Ed.). *Africa Now!* Cham: Palgrave Macmillan, 2018. P. 267–290. DOI: 10.1007/978-3-319-62443-3_12
24. Бердяев Н. А. Судьба России. Ответы по психологии войны и национальности. Москва: Леман и Сахаров, 1918. 240 с.
25. Hobson J. *Imperialism: A Study*. Available from: <https://www.marxists.org/archive/hobson/1902/imperialism/intro.htm> (дата обращения: 05.10.2018)
26. Ngugi W. T. *Decolonizing the mind: The politics of language in African literature*. Studies in African literature. Oxford: James Currey Ltd., 2005. 114 p.
27. Calvet L-J. *Langue, corps, société*. Paris: Payot, 1979. 176 p.
28. Sekhar R. Colonialism and imperialism and its impact on English language // *Asian Journal of Multidimensional Research*. 2012. № 1 (4). P. 111–120.
29. Stuchtey B. Colonialism and Imperialism, 1450–1950 // *European History Online (EGO)*. 2010. Available from: <http://www.ieg-ego.eu/stuchteyb-2010-en> (дата обращения: 05.10.2018)
30. Brooks C. The apostle of internationalism: Stephen Duggan and the geopolitics of international education // *Political Geography*. 2015. № 49. P. 64–73.
31. Hunt M. H. The American Remission of the Boxer Indemnity: A Reappraisal // *Journal of Asian Studies*. April. 1972. P. 539–559.
32. Nye J. S. Soft Power and American Foreign Policy // *Political Science Quarterly*. 2004. № 119/2. P. 255–270.
33. Enders J. (Ed.). *The extent and impact of higher education governance reform across Europe*. Enschede: Center for Higher Education Policy Studies, 2006. 228 p.
34. Feyen B., Krzaklewska E. *The ERASMUS Phenomenon – Symbol of a New European Generation? (Education Beyond Borders Studies in Educational and Academic Mobility and Migration)*. Switzerland: Peter Lang AG, 2013. 245 p.

References

1. Filippov V. Internationalization of higher education: Major trends, challenges and prospects. *Vestnik RUDN. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya = Vestnik RUDN. Series: International Relations*. 2015; 3: 203–210. (In Russ.)
2. Blinova E. Internationalization of higher education in context of globalization. *Vestnik Universiteta*. 2014; 13: 233–240. (In Russ.)
3. De Wit H., Hunter F. (Ed.). *Internationalization of higher education: A study for the European Parliament*. Brussels: European Parliament Policy Department B: Structural and Cohesion Policies. 2015. 321 p. DOI: 10.2861/6854

4. Stier J. Taking a critical stance toward internationalization ideologies in higher education: idealism, instrumentalism and educationalism. *Journal Globalization, Societies and Education*. 2004; 2 (1): 83–96.
5. De Wit H. Strategies for internationalisation of higher education: A comparative study of Australia, Canada, Europe and the United States of America. Amsterdam: EAIE Secretariat; 1994. 176 p.
6. De Wit H., Knight J. (Ed.). Quality and internationalisation in higher education. OECD; 1999. 272 p. DOI: 10.1787/9789264173361-en
7. Stiasny M. Going global: Identifying trends and drivers of international education. London: Emerald Group Publishing; 2012. 250 p.
8. Deardorff D. The SAGE handbook of international higher education. Thousand Oaks, CA: SAGE Publications, Inc; 2012. 552 p. DOI: 10.4135/9781452218397
9. Kupriyanova-Ashina V., Chang Zhu. The internationalization of higher education. The Russian approach. *Mezhdunarodnye processy = International Trends*. 2013; Vol. 11, № 2 (33): 85–94. (In Russ.)
10. Dubovická L., Schwarczová H., Varcholová T. Internationalization of higher education as part of Bologna process. *Nauchnyj dialog = Scientific Dialogue*. 2013; 2 (14): 8–21. (In Russ.)
11. Smaliakou D. A. Philosophical grounds for internationalization of higher education. *Vesti Nacional'noj akademii nauk Belarusi. Seriya gumanitarnykh nauk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Series: Humanitarian Series*. 2019; 64 (2): 135–145. DOI: 10.29235/2524–2369–2019–64–2–135–144 (In Russ.)
12. Scott P. The globalization of higher education. Buckingham: Open University Press; 1998. 134 p.
13. Brandenburg U., de Wit H. The end of internationalization. *International Higher Education*. 2011; 62, Winter: 15–17.
14. De Wit H. Internationalization of higher education in the United States of America and Europe: a historical, comparative, and conceptual analysis. Westport: Greenwood press; 2002. 288 p.
15. Knight J. Internationalization of Higher education in OECD. Ed. by de Wit. H. *Quality and Internationalisation in Higher Education*. Paris: OECD Publishing; 1999. p. 13–29.
16. Altbach P. Globalization and the university: Realities in an unequal world. *Tertiary Education and Management*. 2004; January: 3–25. DOI: 10.1007/978-1-4020-4012-2_8
17. Mitchell D., Nielsen S. Internationalization and globalization in higher education. Ed. by Cuadra-Montiel H. Globalization education and management agendas. London: Intechopen; 2012. p. 3–22. DOI: 10.5772/48702
18. Vestal T. International education: Its history and promise for today. Westport: Greenwood Publishing Group; 1994. 224 p.
19. Dixon M. Globalization and international higher education: Contested positioning. *Journal of Studies in International Education*. 2006; 10 (4): 319–333.
20. Appadurai A. Disjuncture and difference in the global cultural economy. *Economy Media, Culture & Communication*. 1990; 7 (2): 295–310.

21. Giddens A. The Consequences of modernity. Stanford: Stanford University Press; 1990. 188 p.
22. Bauman Z. Globalizacija. Posledstvija dlja cheloveka i obshhestva = Globalization: The human consequences. Moscow: Publishing House Ves' mir; 2004. 188 p. (In Russ.)
23. Kolawole T. O. Imperialism and the African Indigenous Knowledge System. Ed. by Adeniran A., Ikuteyijo L. Africa Now! Cham: Palgrave Macmillan; 2018. p. 267–290. DOI: 10.1007/978-3-319-62443-3_1
24. Berdyaev N. Sud'ba Rossii. Otveti po psihologii vojny i nacional'nosti = The fate of Russia. Responses on the psychology of war and nationality. Moscow: Publishing House Leman & Sacharov; 1918. 240 p. (In Russ.)
25. Hobson J. Imperialism: A study [Internet]. 1902 [cited 2018 Oct 05]. Available from: <https://www.marxists.org/archive/hobson/1902/imperialism/intro.htm>
26. Ngugi W. T. Decolonizing the mind: The politics of language in African literature. Studies in African literature. Oxford: James Currey Ltd.; 2005. 114 p.
27. Calvet L-J. Langue, corps, société. Paris: Payot; 1979. 176 p.
28. Sekhar R. Colonialism and imperialism and its impact on English language. *Asian Journal of Multidimensional Research*. 2012; 1 (4): 111–120.
29. Stuchey B. Colonialism and Imperialism, 1450–1950. European History Online (EGO) [Internet]. 2011 [cited 2018 Oct 05]. Available from: <http://www.ieg-ego.eu/stucheyb-2010-en>
30. Brooks C. The apostle of internationalism: Stephen Duggan and the geopolitics of international education. *Political Geography*. 2015; 49: 64–73.
31. Hunt M. H. The American remission of the Boxer indemnity: A reappraisal. *Journal of Asian Studies*. 1972 Apr; 539–559.
32. Nye J. S. Soft power and American foreign policy. *Political Science Quarterly*. 2004; 119/2: 255–270.
33. Enders J. The extent and impact of higher education governance reform across Europe. Enschede: Center for Higher Education Policy Studies; 2006. 228 p.
34. Feyen B., Krzaklewska E. The ERASMUS phenomenon – symbol of a new European generation? (Education beyond borders studies in educational and academic mobility and migration). Switzerland: Peter Lang AG; 2013. 245 p.

Информация об авторе:

Смоляков Дмитрий Анатольевич – кандидат философских наук, научный сотрудник Белорусско-китайского исследовательского центра философии и культуры Линнаньского педагогического университета, Чжаныцзян, КНР; старший научный сотрудник Института философии Национальной академии наук Беларуси; ORCID ID: 0000-0002-9676-9628; Минск, Республика Беларусь. E-mail: d.smaliakou@live.com

Статья поступила в редакцию 18.02.2019; принята в печать 11.09.2019.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author:

Dzmitry A. Smaliakou – PhD (Philosophy), Research Fellow, Sino-Belarusian Research Center of Philosophy and Culture at Lingnan Normal University, Zhangjian, China; Senior Research Fellow, Institute of Philosophy, National Academy of Sciences of Belarus; ORCID ID: 0000-0002-9676-9628; Minsk, Republic of Belarus. E-mail: d.smaliakou@live.com

Received 18.02.2019; accepted for publication 11.09.2019.

The author has read and approved the final manuscript.